

На правах рукописи

АЗИЗОВ ФАРРУХ ДЖУРАБОЕВИЧ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

**Специальность: 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

ДУШАНБЕ – 2023

Работа выполнена на кафедре теоретического и прикладного языкознания Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

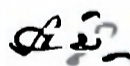
Научный руководитель:	Шамбезода Хусрав Джамшедович , доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты:	Касимов Олимджон Хабибович , доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методики обучения Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода Собирова Сановбар Ганиевна , кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики Филиала Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
Ведущая организация:	Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Защита диссертации состоится «27» сентября 2023 года в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 73.2.003.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу: 734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Российско-Таджикского (Славянского) университета (<http://www.rtsu.tj>)

Автореферат разослан «10» июля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Аминов Азим Садыкович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как известно, любой язык, независимо от его мирового статуса и количества носителей, обладает определенным объемом лексических единиц, репрезентирующих эмоциональные состояния индивида. Данный сегмент лексики содержит богатую информацию об эмоциях, их характере, о том месте, которое занимает та или иная эмоция среди других эмоциональных проявлений, причинах, их вызывающих, а главное – о национально-культурной специфике их вербализации.

Гнев относится к базовым эмоциям и содержит негативные признаки, характеризующиеся состоянием высокой напряженности организма, когда внешние раздражители оказывают влияние на нашу психику и сознание. Гнев является универсальным концептом и имеет как индивидуальный, так и национальный характер. Семантические признаки гнева описываются в структурных слоях лексем ядерной и периферийной системы, которые представляют собой код языка, дифференцированный по динамике проявления эмоции в лексико-фразеологической системе языка, отражая языковую картину мира.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем, что концепт «Гнев» до настоящего времени не подвергался специальному изучению в таджикской лингвистической науке. Кроме того, актуальным представляется сравнительное изучение способов концептуализации эмоции гнева, который относится к базовым эмоциям и отражает одно из важных психо-эмоциональных состояний не только отдельного индивида, но и целых этнических групп, в русской и таджикской языковых картинах мира в рамках когнитивной лингвистики.

Степень научной разработанности темы. Концепт «Гнев» рассматривался многими российскими исследователями с лингвокогнитивной, лингвокультурной и эмоциональной позиций. Различные аспекты образных и ценностных представлений о гневе и его метафорических особенностях затронуты в трудах ряда лингвистов, которые относят анализируемый концепт к отрицательным категориям человеческого характера. В русском языке данный вопрос рассматривался в работах М.В. Маркиной, Д.Г. Гаидаровой, Н.А. Красавецкого, Е.В. Комарова, К.О. Погосовой, И.А. Вотяковой и др. В таджикской лингвистической науке концепт «Гнев» еще не подвергался *подробному анализу*.

Целью исследования является комплексный сопоставительный анализ концепта «Гнев/Ғазоб» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков, а также выявление периферийных лексических единиц, описывающих семантические признаки исследуемого концепта.

Для достижения поставленной цели был определен следующий круг задач:

- 1) исследовать специфику понятия *концепт* и особенности его анализа в современных лингвистических источниках;
- 2) выявить специфические признаки языковой и концептуальной картины мира;
- 3) провести лексико-семантический анализ концепта «Гнев/Газаб» в словарной системе русского и таджикского языков;
- 4) провести лексико-семантический анализ исследуемого концепта в паремиологической системе русского и таджикского языков;
- 5) установить полевую зону концептуальной репрезентации «Гнев/Газаб» в русском и таджикском языках;
- 6) определить структурно-семантические признаки периферийной системы концепта «Гнев/Газаб» в русском и таджикском языках;
- 7) определить лингвокогнитивные признаки концепта «Гнев/Газаб» в анализируемых языковых картинах.

Объектом данного исследования является структурно-семантическая специфика концепта «Гнев/Газаб» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков.

Предметом исследования является определение когнитивной структуры эмоционального концепта «Гнев/Газаб» и способы его вербализации в русском и таджикском языковом сознании.

Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников русского и таджикского языков: толковых словарей (Ожегов и Шведова, 2010; Ушаков, 1996, 2014; Даль, 1882; Назарзода, Сангинов, Каримов, 2008, 2010; Шукуров, Капранов, Хашим, Масуми, 1969; Фиёс-ул-лугот, 1988; Бурхони котеъ, 1993), словарей синонимов (Александрова 20014, Евгеньева, 1983, 2001; Мухаммадиев, 1975; Бозор, 2006), словообразовательного (Тихонов, 1985), этимологических (Фасмер, 1986; Крылов, 2005; Шанский, 1971), семантического (Бархударов, 1983), двуязычных (Калонтаров, 2008; Мирбобоев, 2006; Осими, 1985), фразеологических (Молотков, 1987; Шанский, 1982; Александров, 1984; Фазилов, 1964) словарей. В качестве объекта исследования привлекались также материалы сборников пословиц, поговорок и афоризмов русского и таджикского народов (Раковский, 1969; Калонтаров, 1989; Фазилов, 1975).

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые в сопоставительном аспекте исследуются лингвокогнитивные признаки концепта «Гнев/Газаб» в двух разнотипных языках, которые относятся к одной индоевропейской языковой семье. Анализируются

структурно-семантические особенности лексических средств, участвующих в репрезентации эмоции гнева, и описываются вербальные и невербальные признаки изучаемого состояния, что позволяет определить лингвокогнитивные особенности национальной специфики концепта.

Теоретическая ценность диссертационной работы заключается в том, что её результаты включают в научный оборот значительный объем теоретического и эмпирического материала, который будет способствовать подкреплению теоретических основ исследования семантической природы лексических единиц, связанных с концептом «Гнев» в таджикской лингвистической науке. Кроме того, работа вносит определенный вклад в исследование лингвокогнитивного концепта «Гнев», который носит эмоциональный характер, и данный подход можно будет позаимствовать при исследовании других эмоциональных концептов.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы в практике лингвокультурологических, социолингвистических и когнитивных исследований национально-культурной специфики языкового сознания. Результаты предлагаемой работы можно будет использовать в учебном процессе при преподавании лекционных курсов по сопоставительному языкознанию, в спецкурсах по когнитивной лингвистике, теории перевода и межкультурной коммуникации.

Теоретической и методологической базой диссертационного исследования послужили методологические основы и положения, выдвинутые в трудах таких зарубежных и таджикских лингвистов-концептологов, как: Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Карнап, В.Н. Телия, Г.Г. Герц, М. Планк, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Р.И. Павленс, А. Кизюкевич, И. Горбач-Пазэра, Я. Гримм, Р. Раск, Э. Сепир, Б. Уорф, Р.М. Уайт, Э. Холленштейн; Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев, Н.Д. Артунов, А.Г. Бабушкин, Б.А. Серебряников, Ю.С. Степанов, А. Вержбицкая, Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, М.И. Пименова, В.А. Маслова, В.И. Карасик, С.А. Аскольдов, А.Н. Лукин, М.В. Никитина, Е.Ю. Белашова, В.И. Красных, Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Куликова, В.Г. Костомаров, Т.Г. Орлянская, А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, А.Ю. Корнеев, В.В. Воробьева, Ю.В. Крылов, И.А. Вотякова, В.В. Рублева, Ж.С. Головкин, О.Ю. Любимова, Д.Г. Гайдарова, Н.А. Красавский; Н.И. Каримова, М.Б. Давлатмирова, Х.Х. Курбанова, Ф.Ш. Аминова, М.М. Имомзода, З.А. Чоршамбиева, Д.С. Шоназарова, М.Д. Мамедова, Ш.К. Бойматова и др.

Методы исследования обусловлены спецификой собранного материала и характером поставленных задач. В работе использованы следующие методы:

описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, метод структурного анализа, метод семантико-когнитивного анализа, метод сплошной выборки иллюстративного материала из словарей и текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гнев является эмоциональным концептом, природная основа которого заключается в силе управления разумом и действиями индивида, когда внешние раздражители влияют на его психику. В результате анализа лексикографических и паремиологических единиц русского и таджикского языков было выявлено, что концепт «Гнев/Ғазаб» имеет сложную семантику, связанную с понятием *огонь*, обладает индивидуальными и национальными особенностями и в анализируемых языках имеет как общие, так и отличительные признаки.

2. Гнев, выражая внутреннюю тревогу и беспокойство, представляет собой состояние высокой напряженности организма. Метафора гнева имеет три стадии развития, которые взаимодополняют друг друга: начальная стадия проявляется в невербальной форме и определяется по мимике (индивид краснеет, глаза горят, брови сдвинуты друг к другу и др.), вторая стадия выражается в грубых словах и выражениях, а третья стадия находит свою вербализацию в конкретном действии или эмоциональном состоянии, которое может довести индивида до аффекта.

3. Структурные признаки концепта «Гнев» имеют свою системную особенность, которая проявляется в частеречных формах, функциональные признаки и семантические особенности которых зависят от их синтаксической роли в предложении. Анализируемый концепт может вербализоваться в семантических признаках именных частей речи, обладает субстантивной и адъективной формой и выполняет функцию всех членов предложения.

4. Концепт «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской паремиологических системах характеризуется с отрицательной стороны, так как описывает то эмоциональное состояние, которое преобладает над разумом. Особенности вербализации анализируемого концепта указывают на причинно-следственные признаки, которые всецело зависят от окружающей реальности. Кроме того, гнев характеризует абстрактную и теологическую категорию действительности, которая проявляется в культурно-нравственных и индивидуально-физиологических особенностях человеческой природы.

5. Структурно-семантические признаки лексем периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» имеют свою полевую особенность, которая связывает эмоциональную категорию с различными признаками, состояниями, явлениями и свойствами человеческой природы. Периферийная система в зависимости от динамики проявления эмоции выражается в последовательном порядке таким

образом: ближняя периферия концепта репрезентируется в понятиях *негодование*, *возмущение* в русской и *қаҳр*, *хашм* в таджикской языковых картинах; крайняя периферия реализуется в понятиях *ярость*, *бешенство* в русской и *оташини*, *асабони* в таджикской языковых картинах; дальняя периферия находит свою вербализацию в понятиях *исступление*, *остервенение* в русской и *чаул* в таджикской языковых картинах.

Апробация работы. Основные результаты и промежуточные итоги работы были представлены и обсуждены в виде докладов на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (2017, 2018, 2019), на конференциях Совета молодых учёных РТСУ (2021, 2023), межвузовских и республиканских конференциях (2022).

По теме исследования опубликовано 9 работ, из которых 5 статей опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определены объект и предмет исследования, разъяснены его актуальность и новизна, представлены цель, задачи и используемые методы, указаны практическая и теоретическая значимость, апробация, обозначены положения, которые выносятся на защиту.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования концепта» состоит из 4 разделов, каждый из которых затрагивает актуальные проблемы когнитивной лингвистики, методологии анализа концептов, понятия картины мира и связи языка с культурой.

Первый раздел главы «Понятие «концепт» в современной лингвистике» посвящен основным вопросам становления и развития когнитивной лингвистики, в частности определению концепта как основной единицы. Концепт имеет множество семантических слоев и признаков, которые описаны в трудах известных когнитологов. Например, в научных кругах термин *концепт* рассматривается как *смысловое значение имени* [Прохоров, 1993: 94], *ментальный или психический ресурс нашего сознания* [Кубрякова, 1997: 90], а по мнению В.А. Масловой, *получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс* [Маслова, 2008: 30-41]. Некоторые ученые рассматривают концепт в контексте с кодом языка, утверждая, что *единицами лингвокультурного кода являются концепты* [Карасик, 2009: 4], тем самым связывают посредством концепта лингвистику с

культурологией, а в лексикографических источниках термин трактуется как *система, совокупность, сумма* [Крысин, 2003: 356].

Рассмотрев различные трактовки понятия *концепт*, мы можем отметить следующие основные моменты данного феномена:

- понятие *концепт* до сих пор не имеет однозначного определения;
- концепты не могут существовать в отдельности друг от друга;
- исследователи интерпретируют понятие *концепт* по тому культурному мировосприятию, в котором они жили и творили, и в нем отпечатан оттенок их социальной ментальности;
- полевая структура концепта зависит от отношения синонимических лексем к ядру.

Во втором разделе первой главы «Научные подходы в изучении концепта и методы его описания» рассматриваются основные способы реализации концепта и методология его исследования. В российской когнитивной лингвистике имеются два направления в исследовании концептов: лингвокогнитивный и лингвокультурологический, которые различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный – направлен от индивидуального сознания к культуре; лингвокультурологический – направлен от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик, 2002: 97]. Однако выбор методов исследования концептов зависит от типа исследуемого концепта, от подхода к изучению концепта и материала исследуемых языков [Каримова, 2020: 37], потому что в языке концепты формируются в виде кода, закрепленного за конкретной лексемой или устойчивым оборотом речи.

Каждый из методов исследования концепта является значимым, имеет свою ценность и взаимодополняет другие, исходя из чего можно выдвинуть следующий путь в анализе и описании концептов:

1. Выбор ключевого слова для исследования.
2. Построение и анализ семантики ключевого слова.
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова.
4. Экспериментальные методики (свободный ассоциативный эксперимент, рецептивный эксперимент).
5. Анализ синонимов.
6. Построение лексико-фразеологического поля концепта.
7. Анализ фразеологизмов, объективирующих концепт [Попова, Стернин, 2001: 101-129].

В третьем разделе первой главы «Языковая и концептуальная картина мира» описываются основные принципы языковой репрезентации окружающей действительности, поскольку основной фактор картины мира – это отражение в сознании индивида окружающей действительности. В

сущности, картину мира можно представить как *совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности* [Пименова, 1999: 182], а *возникает она у человека в ходе контактов и взаимодействия с окружающим его миром через чувства, ощущения, представления и мышление* [Каримова, 2020: 10]. Следовательно, освоение картины мира всецело зависит от органов чувств и восприятия индивида, поскольку один и тот же предмет воспринимается людьми по-разному и по-разному интерпретируется. Значит, все конкретные и абстрактные объекты действительности создают картину мира, которая осваивается индивидом в процессе жизнедеятельности.

Языковую и концептуальную картину мира можно отнести к одному и тому же разделу системы знаний и представлений о мире. Однако, по мнению Ю.Д. Апресяна, языковая картина мира является частью концептуальной картины мира, которая не полностью совпадает с ней. Они *взаимовлияют друг на друга, поэтому выяснение содержательных особенностей языка возможно лишь с учётом взаимоотношений факторов человека и действительности* [Апресян, 1995: 29]. Помимо этого, *языковая картина мира создаётся исключительно языковыми средствами, а концептуальная – средствами ментальными* [Корнеева, 2003: 251].

Концептуальная картина мира занимает центральную позицию по отношению к языковой картине, и одной из ее разновидностей является научная и наивная картина мира. Различия между ними в том, что они имеют различные способы познания окружающей действительности. Наивная картина мира – это отражение материального и духовного опыта того или иного этноса, говорящего на каком-либо языке, формируемая под влиянием культурных особенностей и традиций народа, которые были актуальны в определённую эпоху. Однако научная картина мира может существовать в не зависимости от языка и являться общей для разных людей.

В четвертом разделе первой главы «Концепт как связующее звено между языком и культурой» рассматриваются вопросы взаимосвязи языка и культуры, на стыке которых возникло такое научное направление, как лингвокультурология, проблемы которого находятся в центре внимания многих лингвистов. В настоящее время лингвокультурология представляет собой *отрасль лингвистики, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые тиражировались и закрепились в языке*. Объектом лингвокультурологии считается *взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, и человека, который создаёт эту культуру, пользуясь языком* [Маслова, 2001: 28-36]. Следовательно, язык имеет тесную

связь с культурой, выступая и как компонент культуры, и как орудие культуры, однако в отличие от культуры он является автономным и рассматривается как отдельная семиотическая система.

Исследуя концептуальную систему языка, можно с уверенностью утверждать, что это и продукт культуры, и основная составляющая ее часть, так как посредством концепта *человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё* [Степанов, 1997: 51]. Или данную систему можно представить в виде кода культуры, а единицами лингвокультурного кода являются концепты [Карасик, 2009: 4]. Значит, языковой код – это средство представления важнейших установок культуры, и по этой причине язык способен выражать культурно-национальную ментальность своего носителя.

Если рассматривать вопрос о точках соприкосновения языка и культуры в контексте концептуального мышления, то можно выявить следующие основные моменты:

- человек воспринимает мир посредством языка и культуры;
- язык и культура неразрывно связаны между собой в контексте диалога;
- только индивид или социум, личность или общество могут быть субъектами культуры и языка;
- язык и культура соприкасаются в коммуникативных процессах.

Вторая глава «Сопоставительный анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков (ядерная зона)» состоит из 2 разделов, в которых сопоставляются лексические и фразеологические единицы русского и таджикского языков. Каждый раздел состоит из 3 подразделов и имеет свои принципы раскрытия структурно-семантических признаков эмоционального состояния гнева в разносистемных языках, которые развивались на протяжении почти вековой совместной истории, что нашло отражение в языковой системе и нравственно-этических предубеждениях их носителей.

В первом разделе второй главы «Исследование понятия *гнев* в лексической системе русского и таджикского языков» анализируемый концепт рассматривается в словарной системе русского и таджикского языков в вербальной и невербальной формах проявления, которые отражены в мимике, в грубых словах и выражениях и в неконтролируемых действиях.

Подраздел 2.1.1. «Лексико-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского языка» посвящен лексико-семантическим признакам категории гнева в лексикографических источниках русского языка разного периода издания, в которых приведены примеры не только толкования

ядра и периферии концепта «Гнев», но и особенности лексической сочетаемости.

Вопросы анализа эмоционального состояния гнева в русской лингвистической науке уже рассматривались многими учеными, однако нами были взяты за основу те особенности, которые по сей день не были подвергнуты тщательному исследованию лингвистами-концептологами.

Проведенный анализ деривационной системы концепта «Гнев» по морфологическим и синтаксическим признакам показал, что лексема может выступать в роли существительного, прилагательного и глагола и входит в лексико-семантические отношения со всеми членами предложения, потому что реализуется в предложении и в качестве предикативной основы, и в качестве всех распространителей. Словообразовательная особенность включает 28 производных основ, которые также играют немаловажную роль в морфологическом аспекте, а в семантическое поле включены 43 дискриптора. По этимологической принадлежности *гнев* относится к праславянскому языковому составу, ученые связывают лексему с такими понятиями, как *гневие*, *гной*, *яд* и *гнетить*. В состав номинативного поля по синонимическому словарю включены такие лексемы, как *негодование*, *возмущение*, *ярость*, *бешенство*, *исступление*, *остервенение*.

В подразделе 2.1.2. «Лексико-семантический анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексической системе таджикского языка» анализируются особенности репрезентации понятия *гнев*, выражающегося в таджикской языковой картине посредством лексемы *газаб*, которая по своим структурным признакам и семантическим особенностям указывает на данную эмоцию.

Вопросы репрезентации концепта «Ғазаб» таджикской языковой картине в отечественной лингвистической науке еще не рассматривались. В данном подразделе впервые проводится комплексный анализ лексических средств, участвующих в репрезентации изучаемого концепта, и выявляются семантические единицы, указывающие на его периферийную систему. Материалы словарей разного периода издания позволили выявить в составе деривационной системы анализируемого концепта множество словообразовательных форм, морфологическая особенность которых реализуется посредством имен существительных и прилагательных. По этимологическим признакам концепт «Ғазаб» реализуется в семантике лексем *газуб* и *газбон*, которые в словаре «Ғиёс-ул-лугот» понимаются как крайнее состояние гнева и ярости. А в словаре Мухаммадхусайн Бурхона, который описывает языковую картину таджикского языка XVII-XVIII вв., прослеживается семантическая связь *гнева* с *огнем* в примере фразеологизма *отти нишондан* и лексемы *оташфеъл*. Кроме того, семантические признаки

концепта по словарю нового периода издания реализуются в значениях 12 лексем, которые сейчас относятся к группе малоупотребительных слов и встречаются только в произведениях таджикской классической литературы. В состав номинативного поля периферийной системы были включены такие лексические единицы, как *хашм*, *қадр*, *оташинӣ*, *асабӣ/онӣ*, *ҷаул*.

Особенности лексической сочетаемости концепта «Ғазаб» в таджикской языковой картине позволили выявить множество семантических признаков, которые относят лексему к нежелательным, негативным и отрицательным эмоциям. Кроме того, лексическая сочетаемость указывает на семантическую связь гнева с огнем в выражениях *оташин шудан*, *ғарми ғазаб* и др., которые в русском языке понимаются как состояние гнева, ярости и горячности.

В подразделе 2.1.3. «Сравнительный анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексической системе русского и таджикского языков» рассматриваются сходные и различительные признаки в репрезентации анализируемого концепта в сопоставляемых языках, которые относятся к одной индоевропейской языковой семье. Основная задача состоит в том, чтобы выявить конкретные семантические признаки концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковых картинах, а затем определить и проанализировать основные значения ключевых слов, описывающих значение гнева. Таким образом, выявлено, что основные семантические признаки гнева отражаются значениями следующих понятий:

- 1) абстрактное существительное *злоба* или *злость* в русском языковом сознании и существительное *хашм* в таджикском;
- 2) глагол-инфинитив *злиться* в русском языковом сознании и масдар *хашмгун будан* в таджикском;
- 3) качественное прилагательное *злой* в русском языке и *хашмгун* или *хашмовар* в таджикском языке.

Для полной репрезентации семантических признаков гнева в русском и ғазаб в таджикском языке был проведен анализ лексической сочетаемости, который *дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления* [Попова, Стернин, 2007: 98]. Таким образом, были выявлены определенные группы лексико-семантических сочетаний слов с концептом «Гнев/Ғазаб», которые разделены по следующим структурным категориям:

1. Невербальные, мимические особенности проявления: *смотреть с гневом – бо ғазаб нигаристан*, *гневный взгляд – нисоҳи ғазабомез*, *глаза заблестели, загорелись, покраснели от гнева – чашмон аз шиддати ғазаб ба мисли отаи сурх шуданд* и др.;

2. Фонетическое, звуковое выражение: крикнул с гневом – газабомез дод зад гневно сказав, произнес -- ба газаб гуфт, талаффуз кард; дар сари газаб гапҳои насту баланд гуфтан – говорить грубые, неуважительные слова в гневе;

3. Эмоциональное, психическое выражение: поселившийся в сердце гнев – газоби дар; дил чо шуда, внутренний гнев – газоби даруни, скрытый гнев – газоби тинҷонӣ;

4. В сочетании:

а) с местоимением: разгневало меня – миро ба газаб овард, гневаться на кого-либо – нисбати касе газабчӯк шудан, его гнев – газоби вай/ӯ;

б) с существительными: гнев народа – газоби мардум/халқ, гнев родителей – газоби болидон, гнев брата/сестры – газоби бародар/зана;

в) с прилагательными: праведный гнев – газоби одилона/дуруст, несправедливый гнев – газоби беадолатона, гнев – плохой советчик – ханиму газаб маслиҳатчи бад аст;

5. Духовно-нравственная и догматически-религиозная форма представления о наказании за проявление гнева: гнев Божий – газоби Худо, гнев души – газоби қалб, гневен Бог Моисеев – Худои Мусо хашими, нечего бога гневить .. – лозим нест газоби Худоро овардан;

6. Выражение в природных явлениях: стихийный гнев – газоби табиат, огненный гнев – газоби оташин, порыв гнева – шиддати газаб.

Таким образом, было выявлено, что по морфологическим признакам гнев репрезентируется посредством существительных, прилагательных, глаголов и наречий, в которых выражаются основные семантические признаки анализируемого концепта, а по синтаксической роли гнев может выступать в качестве всех членов предложения.

Кроме того, лексические единицы *сердиться* в русском языке и *хашимин/овчр* в таджикском языке выступают в качестве ядерного компонента к основному значению гнева. Эти лексемы так же были классифицированы по приведенным выше 6 параметрам лексико-семантической сочетаемости.

Следовательно, «Гнев» по структуре может реализоваться при помощи существительных, прилагательных, глаголов и наречий, выступать в роли всех членов предложения, а по семантическим параметрам имеет значение негативного эмоционального состояния, что делает его семантику пестрой. Кроме того, анализируемый концепт в русском и в таджикском языковом сознании сопоставляется с понятием *огонь* в лексемах *огненный/оташин*, в которых заключена семантика гневного, злого человека. Это еще одна сторона семантической близости понятия *гнев* в русской и таджикской лингвокультурах.

Во втором разделе второй главы «Исследование понятия «Гнев» в паремнологической системе русского и таджикского языков» рассматриваются когнитивные, культурные и национальные особенности эмоциональной категории гнева во фразеологической и паремнологической системе русского и таджикского языков, потому что в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами [Телия, 1996: 233].

В подразделе 2.2.1. «Выражение гнева в паремнологическом фонде русского языка» раскрывается природа проявления негативной эмоции гнева в русском языке и определяется зона его интерпретационного поля, потому что анализ паремий и афоризмов дает исследователю информацию прежде всего о содержании интерпретационного поля концепта [Попова, Стернин, 2001: 129]. Следовательно, анализируя паремнологические единицы, репрезентирующие концепт «Гнев» в русском языке, мы можем представить те семантические особенности, которые реализовываются не в структуре самого слова гнев, а через посредство других понятий.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие группы фразеологизмов, пословиц и поговорок, лексико-семантические признаки которых описывают состояние гнева:

1. Гнев является нежелательной эмоцией для разумного существа: *гнев гасит лампу разума и разогревает кулак; гнев – начало безумия; следуй голосу ума, а не гневи; у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка* и др.;

2. Гнев имеет причинно-следственные признаки: *правдивое слово бога радует, а человека гневит; правдою жить – от людей отбить, неправдою жить – бога прогневить; нечего бога гневить, надо правду говорить* и др.;

3. Гнев относится к когнитивным, культурно-нравственным и индивидуально-физиологическим особенностям человека и имеет отношение к абстрактно-теологическим представлениям о мире: *не гневи бога ропотом, молись ему шепотом; гнев божий – бедствие, постигающее человека, ко пожар от грозы – божья милость; живет, хлеб жует, небо коптит да бога гневит* и др.;

4. Гнев имеет связь с понятиями *огонь* и *сила*:

Огонь – гнев разжигает фантазии, да так, что можно обжечься; в гневе ты – как огонь, а в любви – как вода; метать гром и молнии и др.;

Сила -- в бессилии гнев очень сильный; гнев – оружие бессилия; на сердитых воду возят; во гневу не наказывай/не карай и др.

Метафорически гнев можно представить в виде жидкого вещества, которое имеет изменчивую природу, и в зависимости от окружающей действительности его динамика изменяется, а градус растет. Таким образом,

эту динамику развития мы формально разделили на 3 этапа, которые могут быть реализованы в следующих выражениях: 1 – *действовать на нервы*, 2 – *попасть под горячую руку*; 3 – *кровь кипит/снесло крышу*.

В подразделе 2.2.2. «Выражение гнева/газаб в паремнологическом фонде таджикского языка» раскрываются те проблемы таджикской языковой картины, которые на данный момент хорошо не изучены, в частности в паремнологической системе, о которой начали говорить только в середине XX века. В настоящее время вопросы когнитивного анализа фразеологической и паремнологической системы языка подробно рассматриваются в Российско-Таджикском (Славянском) университете под руководством профессора Д.М. Искандаровой. Написано много работ, посвященных анализу фразеологических единиц таджикского языка, в том числе сопоставительные исследования в рамках когнитивистики.

Классификация семантической системы концепта «Газаб/Гнев» в паремнологическом дискурсе таджикского языка показала, что анализируемый концепт может быть реализован в таких номинативных группах, как:

1. То, что является нежелательным и пагубным для разумного существа: *хаим андеширо мебарзд (гнев уносит мысли, т.е. разум); ақл – дуст, ҷаҳл – душман (разум – друг, гнев – враг)* и др.;

2. Нравственная категория духовного мира, которая описывается посредством других эмоционально-эстетических ресурсов языка и сознания: *аз газаби худо тарсидан (бояться гнева господня); ба газаби худо гирифтор шудан (навлечь на себя гнев божий); қарздорӣ қарҳи худо (долги – гнев божий)* и др..

3. Сила, которая возникает в момент гнева, и огонь, который горит внутри индивида в этот момент:

Огонь – ба оташӣ қарҳи касе рӯзган рехтан (подливать масло в огонь) в значении – болаи сӯхта намакоб; ба деги газаб оби саро рехтан (залить холодной водой пламя гнева); ҷаҳли касеро овардан (довести до белого каления) в значении - касеро оташӣ қарҳи и др.;

Сила – зӯр касест, ки сар вақти ҷаҳл худдорӣ кунад (силец тот, кто в гневе сумеет сдержать себя); давои газаб – хомушӣ (лекарство от гнева – молчание); қаҳрат (ҷаҳлат) ояд, биниатро газ (если ты сердиться, укуси свой нос) и др.

Так же, как и в русском языке, в таджикском языке имеется метафорическое представление о пределе гнева как жидкости. Динамику развития этого предела можно наблюдать в следующих 3 выражениях: 1 – *касеро асабони қардан (действовать кому-то на нервы)*; 2 – *ба асти ҷаҳл савор*

кирдан (прийти в неистовую ярость); *З* – *хун дар чуи омад/асаб ваирса: худ* (кровь закипела/снесло крышу).

В подразделе 2.2.3. «Сравнительный анализ концепта «Гнев/Азаб» в паремиологической системе русского и таджикского языков» рассматриваются общие и отличительные признаки когнитивной и культурно-национальной специфики анализируемого концепта в паремиологической системе русского и таджикского языков. В центре внимания здесь находится методика построения именно паремиологического поля анализируемого концепта, поскольку в паремиях мы находим *частичные осмысления того или иного концепта, складывающиеся на протяжении длительного времени* [Попова, Стернин, 2007: 128].

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что концепт «Гнев/Азаб» в русской и таджикской паремиологических системах имеет как универсальный, так и национальный характер, что достаточно точно отражается в пословицах, поговорках и фразеологических единицах. Гнев является инструментом нашего сознания, который приводится в действие в тот момент, когда других возможных вариантов для решения возникшей проблемы не находится. Когда этот предел доходит до крайности и невозможно больше терпеть, гнев начинает преобладать над разумом и сознанием. В конечном итоге человек может впасть в состояние аффекта, когда разум и сознание полностью отключаются. Не случайно эта лексема связана с таким природным явлением, как огонь, который семантически отражает гнев с отрицательной стороны. Например, когда человек в гневе, он начинает краснеть и воспаляться изнутри, и в определенный момент индивид может взорваться, как вулкан.

Динамика развития эмоции гнева в паремиологической системе исследуемых языков является последовательной и имеет негативный характер. Общие признаки накопления и проявления негативной эмоции в паремиологическом фонде русского и таджикского языков формально были разделены в предыдущих подразделах на 3 этапа, и иллюстративный материал, характеризующий данные признаки, статистически выглядит следующим образом:

1 этап, имеющий невербальную окраску и указывающий на начальную стадию гнева, может выражаться во взгляде или жесте: «возмущённый взгляд, отмахнуться с негодованием», когда *действуют на нервы/асабой кирдан*. Данный этап имеет почти равное количество иллюстративного материала: 24% русских и 25% таджикских паремиологических единиц.

2 этап, вербализующийся в конкретных действиях или пренебрежительных словах, указывает на неконтролируемое состояние:

индивида, когда он не в силах сдерживать свои эмоции. На данном этапе лучше всего не *требаться под горячую руку/ба асти часи савор шуданид* (его невежеству и злобе не было предела), иначе последствия будут плахи. По статистическим данным, в русском языке встречаются меньше паремнологических единиц, которые относятся к этому этапу, чем в таджикском языке: 16% в русском языке, 25% в таджикском языке.

3 этап, имеющий тесную связь с духовностью и культурой, может противостоять разуму, и вопрос контроля над внутренним эмоциональным состоянием является основным. Ведь когда *сносит крышу/асаб ваҷрон шавад* или когда *крозь кинит/хун дар чуш ояд* индивид может впасть в состояние аффекта, который, по словарю Д.Н. Ушакова, понимается, как «состояние заплывчивости и раздражения» [Ушаков, 2014: 25]. Следовательно, самым опасным и губительным эмоциональным состоянием можно считать 3 этап проявления негативной эмоции, при котором индивид способен совершить любые поступки и не помнить их. Данный этап насыщен иллюстративным материалом, и в русской паремнологической системе встречается больше паремнологических единиц, которые относятся к этому этапу, чем в таджикском языке: 60% в русском языке, 50% в таджикском языке.

Как видим, в русской и таджикской паремнологических системах гнев имеет отрицательный характер, который может привести человека к плохим поступкам; это состояние непосредственно связано с нашим окружением, мы не в силах его контролировать, и гнев берет верх над разумом. Кроме того, в русской и таджикской языковых картинах данная эмоция может иметь одинаковую вербализацию, однако паремнологические единицы, описывающие понятие *гнев* в русской языковой картине, количественно преобладают. Таджикский язык так же обладает богатым фразеологическим запасом, который представляет большой интерес для дальнейших исследований.

Третья глава «Структурно-семантические основы концепта «Гнев» в русском и таджикском языках (зоны ближней, крайней и дальней периферии)» состоит из 2 разделов, в которых репрезентируется периферийная система гнева в сопоставляемых языках. Каждый раздел состоит из 3 подразделов, посвященных особенностям вербализации ближней, крайней и дальней периферийной системы концепта «Гнев» в русской и таджикской языковых картинах. Каждая периферийная группа раскрывает семантическую природу гнева через конкретные лексические единицы и отражает свои этапы развития эмоционального состояния. К начальному этапу относятся понятия: *негодование, возмущение* в русской языковой картине, *хашм, қадҳ* в таджикской языковой картине, которые в большей степени имеют невербальную окраску, относятся к ближней периферийной системе и могут выразиться в жесте,

мимике и т.д. Ко второму этапу относятся лексемы: *ярость, бешенство* в русской языковой картине, *оташини, асабӣ'они* в таджикской языковой картине, которые передают семантику плохого эмоционального состояния, относятся к крайней периферии и сопровождаются грубыми словами и непредсказуемыми действиями. Последний этап реализовывается в понятиях *исступление, остервенение* в русской языковой картине, *ҷаҳл* в таджикской языковой картине, которые находятся в крайней периферийной системе и в большей степени описывают болезнь, которая поражает нервную систему человека и приводит к сбою в организме.

В первом разделе третьей главы «Структурно-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского языка» рассматриваются вопросы семантической реализации периферийной системы концепта «Гнев» в русской языковой картине, анализируется динамика развития негативных эмоций. Интенсивность проявления эмоции зависит от особенностей окружающей среды и воздействия этой среды на психику индивида. Например, если человека раздражает шум, он начинает *возмущаться* и *негодовать*, а если ответ на возмущение будет отрицательным, то индивид может впасть в состояние *ярости* и *бешенства*, конечным результатом чего может стать состояние *исступления* и *остервенения*. Таким образом, анализ материала словарей показал, что в русском языке гнев имеет три этапа развития, каждый из которых реализуется посредством конкретных лексических единиц ближней, дальней и крайней периферийной системы.

В подразделе 3.1.1. «Структура и семантика лексем ближней периферии – *негодование, возмущение*» рассматриваются морфологическая и синтаксическая системы ближней периферийной зоны концепта «Гнев» в русской языковой картине. Лексические единицы, входящие в состав данной группы, имеют особую позицию, потому что содержат прямую семантику гнева.

Анализ лексикографических источников показал, что лексические единицы ближней периферии относятся к начальному этапу развития эмоции гнева и наполнены деривативными единицами, которые реализовываются посредством глаголов, прилагательных и причастий и относятся к числу структурно-семантических компонентов концепта «Гнев». Негодование и возмущение описывают отношение индивида к окружающему миру, потому что причинами этих эмоций являются внешние раздражители, однако формально к этой группе можно отнести еще одну лексическую единицу – *раздражение*. Семантическая особенность понятия *раздражение* заключается в его отношении к окружающей среде, так как причиной раздражения всегда является внешнее влияние на наше сознание. В деривационное поле лексем

ближней периферии относятся: *негодование* – глагол *негодовать*, причастие *негодующий*; *возмущение* – глаголы *возмутить*, *возмутиться*, причастие *возмущенный*; *раздражение* – глаголы *раздражить*, *раздражиться*, прилагательные *раздражительный*, причастие *раздраженный*. Синтаксическая роль данных лексем уникальна тем, что они могут выступать в качестве всех членов предложения.

В подразделе 3.1.2. «Структура и семантика лексем крайней периферии – *ярость*, *бешенство*» рассматриваются проблемы репрезентации крайней периферийной зоны эмоции гнева и динамики его развития. Лексико-семантические единицы, входящие в состав данной группы, имеют высокую эмоциональную нагрузку, так как эти слова описывают то состояние индивида, которое относится к болезни и к животному миру.

В результате анализа лексикографических источников было выявлено, что лексико-семантические единицы крайней периферии описывают вторую стадию развития эмоции гнева в русской языковой картине. Например, если что-то действует на нервную систему индивида (звук, действие и др.), то он начинает *раздражаться* и *негодовать*, впоследствии он выразит свое недовольство в словесной форме, а если на недовольство отрицательно отреагируют, то он впадает в состояние *ярости* и *бешенства*, т.е. происходит переход от одного эмоционального состояния в другое. Кроме того, в репрезентации семантики понятия *ярость*, по словарю, принимает участие еще одна лексическая единица – *озлобление*, которая является семантическим компонентом концепта «Гнев», описывающим эмоциональное состояние индивида в этот момент. Эмоциональный накал, близкий к ярости, передает лексема *бешенство*, имеющая семантику *крайней степени раздражения* [Ожегов, Шведова, 2010: 47]. Ярость и бешенство семантически связаны с концептом «Гнев» в когнитивном аспекте и относятся к описательным компонентам данного эмоционального состояния. Они находятся в системном отношении второй стадии проявления эмоции гнева, когда предел начальной стадии превышает стабильную норму. В деривационное поле лексем крайней периферии относятся: *ярость* – существительное *яростность*, прилагательные *яростный*, *ярый*; *бешенство* – глагол *бешенствовать*, прилагательное *бешеный*.

В подразделе 3.1.3. «Структура и семантика лексем дальней периферии – *исступление*, *остервенение*» рассматриваются проблемы репрезентации последней стадии проявления эмоции гнева, которая реализуется посредством понятий *исступление* и *остервенение*. Эти лексические единицы передают то эмоциональное состояние, при котором

индивид совершает те или иные неосознанные поступки, т.е. теряет контроль над своим разумом.

Материалы лексикографических источников показали, что лексические единицы дальней периферии имеют ярко выраженную эмоционально окрашенную семантику, потому что описывают *состояние крайнего возбуждения, страсти, аффекта* или то состояние, когда индивид *приходит в крайнюю ярость, возбуждение, начинает свирепеть* [Ожегов, Шведова, 2010: 767-772]. Следовательно, лексические единицы дальней периферии относятся к категориям нежелательных эмоций, т.к. считаются пагубным не только для самого индивида, но и для окружающих людей.

К семантическому полю лексем дальней периферии относятся: *страсть, аффект, запальчивость, свирепость*. Деривационное поле обогащается следующими словообразовательными элементами: *исступление* – существительное *исступленность*, прилагательные *исступленный, испуленно*; *остервенение* – глагол *остервенеть*, прилагательное *остервенелый*.

Во втором разделе третьей главы «Структурно-семантический анализ концепта «Гнев/Газаб» в лексической системе таджикского языка» представлены структурно-семантические признаки периферийной зоны концепта «Гнев/Газаб» в таджикской языковой картине. В результате анализа периферийных лексем концепта «Гнев/Газаб» было выявлено, что вербализация эмоционального состояния зависит от восприятия индивидом окружающей среды и влияния этой среды на его психику. Таким образом, лексические единицы *қаҳр* и *хашм* рассматриваются как репрезентанты ближней периферийной системы гнева, т.к. по семантическим признакам указывают на начальную стадию развития эмоции. К лексическим единицам крайней периферии по семантическим признакам и частотности употребления в словарях относятся понятия *асабӣ* и *оташинӣ*, т.к. по динамике развития эмоции указывают на последующую стадию гнева. Дальняя периферия концепта реализуется в значении лексики *қаҳл*, которая по своим семантическим особенностям и структурным признакам репрезентирует последнюю стадию развития эмоции гнева в таджикском языке. Таким образом, анализ материала словарей показал, что в таджикской языковой картине гнев имеет три этапа развития, каждый из которых реализуется посредством конкретных лексических единиц ближней, дальней и крайней периферийной системы.

В подразделе 3.2.1. «Структура и семантика лексем ближней периферии *хашм, қаҳр*» рассматриваются особенности вербализации структурно-семантической природы лексических единиц ближней

периферийной системы концепта «Гнев/Газаб» в таджикской языковой картине и способы их репрезентации в лексикографических источниках.

Лексема *хаши* в толковом словаре представлена 10 дериватами, выраженными различными категориями слов, такими как *хашимангез*, *хашигин*, *хашигиний*, *хашигинона*, *хашинок*, *хашичокй*, *хашиовар*, *хашиолуд*, *хаи-хаи* [ФТЗТ, 2010: 449]. Каждая лексическая единица имеет свою динамику развития, которая начинается с восприятия действительности, затем действительность оказывает воздействие на сознание, в нашем случае негативное воздействие, в результате терпению приходит конец и индивид становится гневным/*бадхаши*, в конечном итоге все заканчивается в действиях – словесных или физических. Особенности репрезентации структурного слоя лексем ближней периферии относительно концепта «Газаб» показал, что наиболее часто лексема *хаши* подвергается процессу субстантивации и адъективации, т.е. реализуется посредством существительных и прилагательных. Кроме того, лексема может быть выражена при помощи глагольных сочетаний, наречий и причастий. Структурная особенность по лексико-семантической сочетаемости показала, что лексема *хаши* может выступать как в роли главного, так и второстепенных членов предложения и описывать как душевное, психическое состояние, так и действие индивида в момент гнева.

Лексема *қаҳр* относится к числу основных номинативных единиц, описывающих состояние человека в момент гнева и имеющих отношение к психическому состоянию индивида, выполняя функцию внешнего раздражителя. Структура лексемы, согласно толковым словарям разного года издания, реализуется посредством 3 значений, каждое из которых имеет свою семантическую особенность (чабр, зулм, ситам, зурӣ – несправедливость, гнет, притеснение, насилие) [Шукуров, 1969: 763]. Следовательно, когда притесняют, угнетают и поступают несправедливо, в сознании индивида происходит процесс бифуркации, т.е. спокойный человек превращается в свирепого.

Репрезентация лексических единиц ближней периферийной системы концепта «Газаб/Гнев» в таджикской языковой картине показала, что лексемы *хаши* и *қаҳр* могут вступать в семантические отношения с глаголами *будан*, *шудан*, *кардан* и др., которые в русском языке выражаются одним словом (*гневаться*, *злиться*, *сердиться*, *сбиваться* и др.). Лексемы *хаши* и *қаҳр* в зависимости от синтаксической роли могут быть выражены морфологической природой глагола и слов категории состояния. Следовательно, анализируемые лексемы по структурно-семантическим признакам могут описывать действие и состояние индивида в момент гнева. Деривационное поле репрезентируется в

следующих лексических категориях: *хаши* – существительные *хашигин*, *хашинок*, *хаши-хаши*, прилагательные *хашимангез*, *хашигинона*, *хашигин*, *хашинок*, *хашиовар*, *хашиолус*, *бадхаши*, *пулхаши*; *қаҳр* – существительное *қаҳр*, прилагательные *қаҳрнок*, *қаҳролуд*, *қаҳрамгез*, *бадқаҳр*, *зудқаҳр*.

В подразделе 3.2.2. «Структура и семантика лексем крайней периферии *асаби*, *оташинӣ*» рассматриваются особенности развития эмоции гнева, которые реализовываются в лексемах крайней периферии *асаби* и *оташинӣ*. Данные лексические единицы по структурным признакам и семантическим особенностям описывают болезненно-аффективную стадию развития гнева, когда организм как будто наполняется пылающей жидкостью и она выплёскивается наружу. Этот процесс можно назвать второй стадией развития эмоционального состояния, когда формы проявления гнева находят свое отражение в конкретных действиях, представляющих собой взрыв в сознании индивида.

Лексические единицы, относящиеся к крайней периферии концепта «Гнев/Ғазаб» в таджикской языковой картине, описывают эмоциональную природу человеческой психики и содержат в себе семантику свойств природных явлений. Например, понятие *асабонӣ* образовано от существительного *асаб.нерв* посредством добавления словообразовательного суффикса – *ӣ* и переводится как *нервировать*, *раздражать* [Калонтаров, 2008: 19], а понятие *оташинӣ* образовано от слова *оташ/огонь* посредством того же суффикса – *ӣ* и переводится как *гневный*, *негодующий* [Калонтаров, 2008: 205].

Семантика лексем крайней периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» *асабонӣ* и *оташинӣ* по своим структурным признакам описывают гнев как болезнь, которая поражает нервную систему человека. Анализ показал, что данные лексемы имеют отрицательную характеристику и описывают гнев с разных позиций. Например, если мы рассмотрим лексему *нрав'феъл* в таджикской лингвокультуре, то связка лексемы с семантической составляющей отрицательного характера *бад* даёт нам новую лексему *бадфеъл*, которая реализуется посредством следующих номинативных единиц: *бадху*; *дуруштмуомила*; *бадқаҳр*, *бадхаши* (с плохим характером: грубый; раздраженный, рассержанный) [ФТЗТ, 2010: 122]. А понятие *бадху* там же рассматривается как: *бадхулқ*, *тундмиқоз*; *чансара*, *чанчолӣ* (злонравный, вспыльчивый характер; скандалист, забияка/задира). Лексема *бадхулқ* описывает нравственную сущность *грубо'одагал* человека, а понятие *тундмиқоз* понимается как *бадрафторӣ*, *хашигинӣ*, *бадфеълӣ*, *оташинӣ* (дурное поведение, раздраженность, плохой нрав, вспыльчивость) [ФТЗТ, 2010: 368]. Как видим, лексемы, описывающие нравственную категорию гнева, имеют негативный и отрицательный оттенок и образуются посредством

добавления понятия *бад*, которое по семантическим признакам имеет значение *зла*. Следовательно, семантические признаки национальной специфики гнева могут быть реализованы в значении понятия *зла*, которое относится к темной стороне человеческой души. Деривационное поле репрезентируется в следующих лексических категориях: *асаби* – существительное *асабият*, прилагательные *асабонӣ*, *асабими ҷоз*, *асабинамо*, наречие *асабиёна*; *оташинӣ* – прилагательные *оташин*, *оташинмизоч*, *оташангез*, *оташандуд*, *оташбор*, *оташинмизоч*, *оташолуд*, *оташфеъл*, наречие *оташинона*

В подразделе 3.2.3. «Структура и семантика лексемы дальней периферии *ҷаҳл*» анализируется лексико-семантическая единица *ҷаҳл*, описывающая последнюю стадию проявления эмоции гнева в таджикской языковой картине. В данной лексеме семантические признаки указывают на эмоциональное состояние человека, при котором он не осознает свои действия, теряет контроль над своим разумом и совершает необдуманные поступки.

Анализ лексикографических источников показал, что лексема *ҷаҳл* во втором значении репрезентируется как *лаим*, *қаҳр*, *ғазаб* [ФТЗТ, 2010: 614]. Следовательно, в данной лексической единице выражаются полные признаки проявления гнева и описываются эмоциональные категории, которые имеют отрицательный характер, представляя собой негативные душевные волнения.

Лексическая единица *ҷаҳл*, относящаяся к дальней периферийной системе концепта «Гнев/Ғазаб», реализовывает негативные эмоциональные признаки с когнитивной и лингвокультурной позиции, т.к. описывает состояние, которое является несвойственным для современной социальной коммуникации. Гнев, как феномен культуры, реализуемый лексемой *ҷаҳл*, следует рассматривать с позиции его когнитивной специфики, потому что эта лексема указывает на особенности национально-специфического характера.

В заключении подводятся итоги и приводятся основные выводы, которые были получены в результате анализа структурно-семантических признаков концепта «Гнев» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

а) статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

1. Азизов, Ф.Д. Структурно-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского и таджикского языков / Ф.Д. Азизов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет) – Душанбе: РТСУ, 2020. – №1(69). – С. 130-137.

2. Азизов, Ф.Д. Реализация концепта «Гнев» в паремиологической системе русского и таджикского языков / Ф.Д. Азизов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет) – Душанбе: РТСУ, 2020. – №4(72). – С. 169-176.
3. Азизов, Ф.Д. Структурно-семантическая специфика концепта «Гнев» в лексической системе русского языка / Ф.Д. Азизов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет) – Душанбе: РТСУ, 2021. – №2(74). – С. 152-160.
4. Азизов, Ф.Д. Особенности репрезентации структурно-семантических признаков концепта «Гнев/Ғазаб» в таджикской языковой картине / Ф.Д. Азизов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет) – Душанбе: РТСУ, 2022. – №1(76). – С. 188-196.
5. Азизов, Ф.Д. Анализ периферийных лексем концепта «Гнев» в русском языке / Ф.Д. Азизов // Вестник педагогического университета: Научный журнал. – Душанбе, 2022. – №1 (96). – С. 101-106.

б) статьи, опубликованные в других научных изданиях:

6. Азизов, Ф.Д. Репрезентация концепта «Гнев» на материале произведений русских и таджикско-персидских классиков, а также священных текстов / Ф.Д. Азизов // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Материалы международной научно-практической конференции (26-27 мая 2017 г.). – Душанбе: РТСУ, 2017. – С. 49-53.
7. Азизов, Ф.Д. Семантический анализ концепта «Гнев» в русском и таджикском языках (на материале толковых словарей) / Ф.Д. Азизов // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Материалы международной научно-практической конференции (26-27 октября 2018 г.). – Душанбе: РТСУ, 2018. – С. 41-43.
8. Азизов, Ф.Д. Репрезентация эмоционального концепта «Гнев» в русской языковой картине мира / Ф.Д. Азизов // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Материалы международной научно-практической конференции (18-19 октября 2019 г.). – Душанбе: РТСУ, 2019. – С. 190-192.
9. Азизов, Ф.Д. Реализация эмоционального концепта «Гнев» в творчестве А.С. Пушкина / Ф.Д. Азизов // Актуальные проблемы сопоставительно-типологического изучения языков: Материалы межвузовской научно-практической конференции (25 февраля 2022 г.). – Душанбе: РТСУ, 2022. – С. 291-296.

